

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Indogermanische Grammatik*/Beg'undet von Kurylowicz J. Hrsg. von Mayrhofer M. 1.1: *Cowgill W. Einleitung*; 1.2: *Mayrhofer M. Lautlehre* (Segmentale Phonologie des Indogermanischen). Heidelberg: Carl Winter Universitatverlag, 1986. 216 p.

1. Публикация этого тома знаменует собой возобновление издания Индоевропейской грамматики, предпринятого около двух десятилетий назад Е. Куриловичем. Новый редактор, М. Майрхофер, в Предисловии кратко излагает свое понимание целей и построения рецензируемой грамматики, указывая при этом, что готовится выпуск последующих томов (с. 5—7). Поскольку во Введении (с. 11—71) в сжатом виде выражена основная концепция всей работы, оно имеет исключительную ценность, особенно в свете безвременной кончины его автора. Вторая часть тома (с. 75—177), написание которой предпринял Майрхофер после того, как Каугилл решил не продолжать эту работу, чрезвычайно знаменательна в том отношении, что в ней определяется как концепция последующих томов, так и подход известного индоевропейца к сегментной фонологии индоевропейского праязыка. В настоящей рецензии мы сначала коснемся концепции авторов рецензируемой работы, а затем кратко очертим две части первого тома, снабдив их рядом необходимых комментариев. Далее мы обратимся к тем принципам, которые лежат в основе обеих частей книги. Возобновление издания рецензируемой грамматики, равно как и недавняя публикация замечательной книги Т. В. Гамкрелдзе и Вяч. Вс. Иванова [1], а также ожидающийся выход новых руководств по индоевропейской грамматике, наряду с обилием публикаций отдельных статей и монографий, ссылки на которые содержатся в рассматриваемом томе, — все эти обстоятельства требуют более обширной рецензии, чем та, которую заслуживает книга объемом чуть более 200 страниц.

2. После первых двух страниц, посвященных истории индоевропейских исследований, большую часть раздела Каугилл посвящает обзору предшествующих работ, касающихся проблемы возможного

родства индоевропейской семьи языков с другими языковыми семьями (с. 13—17), а также характеристике десяти основных подгрупп индоевропейской семьи (с. 17—53). Даются также пояснения относительно менее известных групп языков (с. 53—63). На следующих трех страницах рассматриваются проблемы прадины, времени распада праязыка, дисперсии выделившихся подгрупп, а последняя страница посвящена характеристике основных пособий.

Изложение достаточно обстоятельно и компактно, сравнимо с аннотированной библиографией. Перевод Баммесбергера дает возможность как бы непосредственно приблизиться к лаконичному повествованию самого Каугилла. Излагаемые взгляды в основном находятся в русле традиционной индоеврейстики. Каугилл по-прежнему настаивает на том, что балто-славянские языки составляют единую подгруппу, тогда как италийские и кельтские образуют отдельные группировки. Далее он утверждает, что только анатолийские языки не разделяют важных инноваций с другими подгруппами индоевропейского, однако при этом он не касается обсуждения индо-хеттской гипотезы.

Переходя к вопросу родственных связей индоевропейских языков, Каугилл следует за Коллиндером [2], предполагая их генетическое родство с урало-алтайской семьей. В то же время он отвергает их возможные отношения с кавказскими языками, вопреки взглядам Гамкрелдзе и Мачавариани [3], равно как и связь с хамито-семитской и другими языковыми семьями. Такой подход отражает время написания работы (1973 г.), хотя Баммесбергер и Петере добавили ссылки на более поздние публикации, такие, как «Хеттский этимологический словарь» Пухвела [4]. Цитируемые работы получают лаконичную и объективную оценку, что делает Введение полезным для студентов.

Столь сжатое изложение требует детализованных комментариев. Хотя мно-

* © «General linguistics». 1987. V. 27. № 1.

гие темы и не являются спорными, тем не менее однозначную оценку получают и те из них, которые различными учеными оцениваются неодинаково. Жизнь Зороастра относится автором к VII в.* до н. э. (с. 27), вопреки аргументированным выводам Бэрроу о более раннем периоде его жизни [5]. Вульфилла без колебаний объявляется переводчиком Готской библии, и с той же степенью уверенности утверждается, что «на какой-то форме готского говорили в XVI в. в Крыму» (с. 43). Можно было бы ожидать комментариев ко многим инновациям, встречаемым только в балтийских и славянских языках. Эти последние, по мнению Каугилла, дают основания для их объединения в одну подгруппу (с. 49), точно так же, как это было сделано при рассмотрении кельтских инноваций, разделяемых и другими подгруппами (с. 64). От тщательно выполненной библиографии, приложенной к рецензируемой книге, можно было бы ожидать должной оценки вклада Р. Джонза, проделавшего основную работу при составлении ценного «Word-indices and word-lists to the Gothic Bible and minor fragments» (с. 45), равно как и упоминания второго издания (1966 г.) «Древнесаксонского словаря к Гелланду и Книге Бытия» Зейрта (с. 46). Несмотря на подобные упущения, Введение представляется весьма надежным с точки зрения излагаемого материала.

В кратком разделе, затрагивающем проблему прародины, автор, вслед за Гимбутас [6], локализует ее в районе Северного Кавказа и Нижней Волги. Каугилл с должной осторожностью относится к выводам, основывающимся на лингвистических данных, отвергая, в частности, аргументы, связанные с исследованием слов со значением «лосось» и «бук», приводимые в пользу центральноевропейской прародины индоевропейцев. Закрывая эту тему, он справедливо предупреждает, что в то время как мы ожидаем ответов от археологов, выясняется, что сами археологи питают сходные надежды в отношении лингвистов. В самом деле, лингвистические факты по крайней мере несут определенную информацию в отличие от немых камней, добытых археологами.

На нескольких строках, посвященных сообществу носителей индоевропейского праязыка, автор, вслед за Гимбутас, характеризует его в качестве воинственного пастушеского народа, разводившего крупных рогатый скот, лошадей, свиней и овец, выращивавшего по крайней мере один из видов злаков, применявшего колесные повозки и уже знакомое с использованием металлов, прежде всего меди (с. 66). Период распада праязыка на самостоятельные языки также, вслед за

Гимбутас [6], датируется приблизительно III тыс. до н. э. (4; 500 лет).

3. Столь же компактен и написанный Майрхофером раздел, касающийся сегментной фонологии. В отличие от изложения Каугилла, его текст включает данные и их интерпретацию, тогда как ссылки приведены в сносках в конце страницы, из них 334 названия занимают 90 страниц, а последнее название выходит на следующую страницу. После девяти страниц сокращений следуют семь параграфов. Параграф 1 касается концепции индоевропейского праязыка (с. 87–88), во 2 и 3-м параграфах дается предварительное изложение индоевропейской системы сегментных фонем (с. 88–90). В остальных параграфах рассматриваются классы фонем: в 4-м — смычные (с. 91–118), в 5-м — фрикативные (с. 118–158), в 6-м — плавные п назальные (с. 158–160), в 7-м — полугласные, гласные и дифтонги (с. 160–177).

Приложение состоит из пяти параграфов, содержащих ссылки на обе части рецензируемого тома. Параграф 1 знакомит с принятыми символами (с. 178–179); в параграфе 2 помещаются основные контекстно обусловленные правила праязыка (с. 179–181); параграф 3 включает тематический указатель (с. 182–185); параграф 4 представляет собой указатель форм (с. 186–208); параграф 5 — указатель авторов (с. 209–216).

В первоначальном варианте очерк сегментной фонологии был завершен Майрхофером в 1981 г. и читался им на семинаре для старшей группы в течение трех семестров (1982–1983 гг.); в окончательном виде этот очерк был переписан в 1983 г. Рассматриваемый текст, как и часть, написанная Каугиллом, практически лишены каких-либо ошибок.

В первом параграфе Майрхофер, как и ранее, заявляет, что он реконструирует специфический язык, опираясь в своих реконструкциях по возможности на все индоевропейские языки, особенно на наиболее архаичные (с. 87). Он характеризует свои реконструкции как осторожные и избегающие глоттогонических рассуждений (с. 88). В своем анализе он следует структурным принципам, часто интерпретируя элементы в соответствии с признаками, обобщенными в виде правил. Тем не менее он нигде не дает ни набора этих признаков, ни таблицы фонем.

3.1. Для смычных Майрхофер предполагает наличие пяти рядов, каждый из которых состоит из трех членов. В лабialsном ряду реконструкция /b/, несмотря на скудные свидетельства (ср. **hel-* «сила; сильный», а также другие примеры, представленные лишь в двух языковых группах), признается надежной. Помимо этого, /b/ в вед. *pibati*, лат. *bibit*

«петь», а также *-bd-* < **-pd-* усиливают это положение автора (с. 99—100). Рассмотрение двух других вопросов занимает большую часть 4-го параграфа: речь идет о глоттальной теории и о количестве спирантов. При изложении глоттальной теории приводится обширный список публикаций до 1981 г. как в пользу, так и против предположения о праиндоевропейских глоттальных, причем не высказывается какого-либо окончательного суждения. Прибегая к помощи суждений сторонников глоттальной теории, автор в то же время придерживается освященной временем нотации, хотя он и использует поднятое^h, например, /р b b /, а также устаревшие термины *tenuis*, *media*, *media aspirata*. Повсюду применяются также и символы «системы Гамкредлидзе».

3.2. Относительно пространный параграф, касающийся фрикативных, почти полностью посвящен обсуждению ларингальных (с. 121—150), что составляет около трети написанной Майрхофером части. Уверенно постулируя для праиндоевропейского три ларингальных, он предпочитает при их обозначении пользоваться алгебраическими символами (h_j , h_2 , h_3). Довольно свежо выглядит признание наличия ларингальных в праязыке и в ранних диалектах, принадлежавшее верному последователю Индоевропейского общества (*Indogermanische Gesellschaft*). Аргументация Майрхофера в пользу ларингальных опирается главным образом на выводы его коллег по Обществу, основывающихся на данных греческого языка. Данные германских языков, равно как и наблюдения Кортланда над балтийскими и славянскими фактами, оставлены без внимания, хотя справедливости ради следует сказать, что многие из этих работ опубликованы после 1981 г.

Как следует из названия параграфа, Майрхофер трактует эти три ларингальных в качестве фрикативных, однако он не дает их фонетического определения, используя по преимуществу тройную нотацию Каугилла /x'/ x x'/. Возможность существования четвертого ларингального, как и более развернутых систем, в конечном счете отвергается; явное раздражение вызывает у автора наличие шести ларингальных в «Хеттском этимологическом словаре» Пухвела, который вышел в свет в то время, когда Майрхофер уже читал корректуру.

Далее Майрхофер постулирует сохранение ларингальных в отдельных подгруппах индоевропейского, особенно в греческом и «раннеарийском», без какой-либо ссылки на предположение Кортланда о наличии следов ларингальных в поздних балтийском и славянском.

В качестве подтверждения он приводит традиционные примеры, обращая большое внимание на недавние публикации, выводы которых частично основываются на морфологических данных (таких, например, как использование Риксом [7] аттической редупликации). Тридцать страниц, посвященных ларингальным, дают полезный обзор новых публикаций до 1981 г.

Далее обсуждаются примеры, на основании которых Бругманн предложил реконструкцию межзубных фрикативных, таких, как *p* (с. 150—158). И здесь Майрхофер также придерживается современных представлений о комплексной (*cluster*) природе подобных образований, а не о дополнительных праиндоевропейских фонемах (8, с. 99—100). Источник этих комплексов он видит в метатезе праиндоевропейских шумных — дентального (Т) и спиранта (К) > КТ в случае, когда такая последовательность (как в хет. *te-e-kari*) имела нулевую ступень.

3.3. Краткое рассмотрение плавных п назальных отражает точку зрения Майрхофера на то, что эти согласные не представляют каких-либо проблем для реконструкции. Больше внимание уделено полугласным /w u/, тогда как плавные и назальные вновь обсуждаются в связи с законом Зиверса. В трактовке Майрхофера сфера действия этого закона, в соответствии с книгой Зеебольда о /w u/ [9], в значительной степени сужена. Мы вернемся к этой теме ниже.

Постулируется система из пяти гласных /i e a o u/, представленных также и ДОЛГИМИ формами. Далее признается наличие шести дифтонгов, /e a o/ плюс Л, и/, а также их долгие корреляты.

Как и часть, написанная Каугиллом, раздел Майрхофера замечателен обстоятельностью и лаконичностью изложения проблем, обзором последних публикаций и фактологической достоверностью.

4. Столь тщательно продуманное и хорошо аргументированное изложение заслуживает дальнейшего обсуждения, учитывая в особенности то, что ни Каугилл, ни Майрхофер нигде эксплицитно не излагают своих теоретических концепций. В этой связи их научная методика в общем отражает традиционную индоевропейистическую процедуру, которая в целом соответствует теории, называемой младограмматической. При этом авторы исходят из того, что эта последняя теория широко известна. Тем не менее, принимая во внимание дальнейший прогресс индоевропейистики, в последнее время основательно модифицированной и находящейся, согласно Майрхоферу, в «Situation des Aufbruchs und Umbruchs» (с. 5), необходимо иметь ясное представление о теоретических посылах авторов и соответствующих процедурах анализа.

Этим вопросам будет посвящена оставшаяся часть рецензии, где изложение ведется в свете высказанных обоими авторами теоретических положений. На первых же страницах, посвященных теоретическим предпосылкам (с. 12), Каугилл указывает на классическую формулировку А. Мейе, данную им в 1925 г. в работе «La methode comparative en linguistique historique» (дальнейшие ссылки будут даваться по английскому переводу этой книги 1967 г. [10]). Цитируя другие работы, касающиеся метода (с. 87–88), Майрхофер стремится к выработке «indogermanische Grammatik» — мы назвали бы ее грамматикой реконструированного индоевропейского праязыка, рассматривая последний в качестве реально засвидетельствованного языка (с. 6). Можно кратко указать на те требования, которые предъявляет подобный подход.

Для Мейе признание любого языка, как реально засвидетельствованного, так и реконструированного, сопряжено с признанием и определенного сообщества носителей этого языка, называемого им нацией. Это сообщество должно помещаться в определенных хронологических рамках, иметь свой особый образ жизни, характерный тип цивилизации и культуры [10, с. 31–35; 11, с. 18, 418].

Язык в таком понимании следует анализировать и описывать прежде всего формально (10, с. 36–58). При формальном анализе выделяется несколько полуавтономных слоев, таких, например, как фонология и морфология. Определяя лингвистические принципы, лежащие в основе анализа, Мейе отмечает два вида сравнения: одно для исторических данных, другое — для общих принципов, известных иногда под названием универсалий [10, с. 13–24]. Второй тип сравнения часто называют типологическим. Мейе, как это хорошо известно из его грамматик и «Этимологического словаря латинского языка» (в соавторстве с Эрну), излагает свои взгляды на индоевропейский праязык и его группы именно таким образом. Как Мейе и предполагал (см. последнюю главу его известной книги [11, с. 124–128]), дальнейший прогресс науки существенно обогатил наше знание благодаря открытию и изучению новых текстов, а также находкам археологов. Эти успехи следует отразить в специальных пособиях.

5. Любое пособие по праиндоевропейскому языку должно содержать сведения относительно датировки этого языка и использовать эти данные при интерпретации засвидетельствованного материала. К концу своего Введения Каугилл приводит дату 3000 лет до н. э. Ц^а 500 лет. Однако в остальной части тома эта датировка никак не используется.

В нашем распоряжении сейчас имеются различные исследования, основывающиеся на датировке, полученной с помощью карбона-14, а также другие методы определения времени распада индоевропейского общества в результате ряда нашествий на Европу и Анатолию [12]. Для определения времени трех основных волн экспансий приняты следующие даты: 4500–4200, около 3400–3200, 3000–2800 гг. до н. э. [12]. Сходным образом мы располагаем информацией относительно уровня цивилизации индоевропейского общества, когда, например, оно стало использовать колесный транспорт. Еще более важно то, что эту инновацию мы можем соотнести с хронологическими этапами развития языка.

Тридцатью годами ранее того, как Каугилл написал свое Введение, Шпехт довольно обстоятельно определил, что основы, относящиеся к терминам, которые обозначают колесные повозки, являются преимущественно тематическими [13, с. 99–103]. Таким образом, в период внедрения этих технологических инноваций в обществе носителей индоевропейского языка тематическая флексия была продуктивной. Атематическая флексия ряда слов долгое время сохранялась в лексемах, обозначающих природные явления, многих животных и растения, части тела и т. д. [13, с. 9–98]. Однако слова для новых понятий стали оформляться тематическими окончаниями. Можно предположить, что в то же самое время имели место и другие изменения, например, в фонологии. Следует определить эти инновации и соотнести их с другими явлениями языка. Иными словами, необходимо признать наличие этапов в развитии праязыка.

Предположения относительно таких этапов уже высказаны, как для фонологии [8, с. 109–114], так и для морфологии [14]; см. также [15]. Были опубликованы, к счастью, и последующие исследования, например, Мейла [16] и Нейя [17]. Эти различные предположения должны быть соотнесены друг с другом, и прежде всего авторами пособий, нежели их рецензентами.

Необходимость выделения этапов в развитии индоевропейского праязыка, к сожалению, должным образом не была оценена, о чем свидетельствуют рассуждения Майрхофера о сущности закона Зиверса (с. 167). Воспользовавшись указанием Линдемманна [18], Майрхофер дает здесь синхронное объяснение несясным формам типа праи.-е. **suornos* «спать», иллюстрирующим, по его мнению, развитие сочетания VC из к, т, е, *иц.*, хотя «первичные монослоги» типа и.-е. **ṣuo* «собака» развили Фермы с VC, что иллюстрируется греческим *κῠον* «собака». С точки зре-

ния Линдемманна и Майрхофера, формы VC, содержащие % *u*, регулируются количеством слогов в одном слове.

Такое объяснение является абсолютно немотивированным. На самом деле намного более вероятны причины хронологического порядка, обуславливающие различие трактовок этих двух типов форм. Когда продуктивными были тематические формы, как в праи.-е. **suopnos*, правило, обуславливающее вариант VC, более не действовало. Ведическое *vaiśva.na.ra-*, несомненно, следует объяснять именно таким образом, как и санскритские сложные слова на *-tva*, *-tvi* (с. 167). Решению проблемы способствует учет относительной хронологии, что подтверждается отсутствием формы, обусловленной законом Зиверса, в скр. *mdtsya* «рыба», которое засвидетельствовано еще в языке Ригведы, но, вероятно, является неиндоевропейским по происхождению.

Любопытно, что Майрхофер совершенно игнорирует принцип относительной хронологии, например, в изложении контекстно обусловленных правил. В параграфе 11 Приложения дан скорее алфавитный, нежели хронологический список. Помимо этого, закон Грассмана рассматривается раньше закона Бартоломе (с. 112—117), хотя Майрхофер признает, что только закон Бартоломе, в отличие от закона Грассмана, релевантен для праязыкового состояния.

6. Анализ праиндоевропейской вокалической системы страдает еще одним недостатком — интерпретацией фонологических проблем посредством морфологических критериев. Майрхофер предполагает наличие праиндоевропейских узких гласных главным образом на основании того, что локативное окончание *-i* никогда не выступает в неслоговой форме (с. 161). Однако двумя страницами ниже он пишет, что формы назального маркера презенса *-Pi-* и ассулатива ед. ч. *-ш*/ всегда являются неслоговыми по причине их морфологической значимости («morphologische Bedeutung», с. 163). Если функциональный критерий применим к этим морфологическим элементам, таким же образом он применим и к локативу ед. ч. *I-U*.

Это не означает, что при определении фонем морфологические критерии более важны, чем фонологические. Напротив, свидетельства отдельных подгрупп индоевропейских языков скорее отражают ограниченный хронологический срез, когда назальная морфема настоящего времени, а также морфемы ед. числа ассулатива и ед. числа локатива выступали как уже сложившиеся образования. Сходным образом, как замечает Майрхофер, ведический суф. *-iya-* может

стоять как после кратких, так и после долгих слогов (с. 165—166). Варианты, получившие распространение в какой-либо одной индоевропейской подгруппе, нельзя привлекать для установления фонологической вариативности праиндоевропейского, а также для определения его фонологической системы. Вызывает недоумение аргументация Майрхофера в пользу наличия, помимо */i/*, также *p/i/*; он постулирует обе фонемы, хотя и допускает в определенных условиях выведение *[i]* из */i/* (с. 161). Довольно странно видеть подобный анализ в пособии, основанном на структурных принципах. Совершенно очевидно, что в праиндоевропейской системе имелись фонемы с вокалическими, консонантными и VC-аллофонами, как это установил еще Зиверс и подтвердили его последователи. Эта система в отдельных подгруппах индоевропейского была разрушена в результате дальнейших изменений, воздействовавших на рассматриваемые фонологические единицы.

Такое разрушение явно просматривается в статистических данных Эдрена [19], цитируемых Майрхофером (с. 165), а ранее также и Эзболом, равно как и другими авторами, интерпретирующими эти данные на основе хронологических критериев. Эдрен дает глобальные цифры, не принимая в расчет период, к которому относится составление отдельных ведических гимнов. Хотя относительная хронологизация отдельных гимнов Ригведы представляет большие трудности, тот факт, что этот свод включает гимны, относящиеся к различным хронологическим периодам, известен уже давно. Можно согласиться с Майрхофером (цитирующим Шиндлера) в том, что факты, относящиеся к действию закона Зиверса, нуждаются в дальнейшем тщательном изучении (с. 166); то же можно сказать и об относительной датировке ведических текстов. К неверным обобщениям ведут и встречающиеся в последнее время попытки трактовки фонологической структуры языка Ригведы, исходя из положения о том, что этот язык не знал диалектных различий и относился к одной эпохе.

Проблема возрастает, когда эти обобщения проецируются на плоскость индоевропейского праязыка. Используя фонемный подход, мы не можем постулировать для праиндоевропейского одновременно как краткие высокие гласные, так и консонантные полугласные. Единственно обоснованной является реконструкция системы из следующих фонем: */y w g l m n/*.

Остаются, таким образом, три краткие гласные */e a o/*. Я не стану здесь обсуждать ни краткие, ни долгие гласные; отмечу только, что Майрхофер признает

недостаточность свидетельств в пользу /a/ и /o/. Полное обсуждение этого вопроса потребовало бы учета праиндоевропейской морфофонемике в соответствии с хронологической ситуацией, характерной для различных этапов индоевропейского праязыка.

7. Не буду затрагивать здесь и вопроса, касающегося структуры праиндоевропейского корня, замечу только, что Майрхофер не постулирует какую-либо каноническую схему, хотя не отвергает с порога и традиционную реконструируемую модель (с. 123—124). Отдавая дань вкладу Бенвениста в разработку этого вопроса, важно в то же время помнить, что предположение о трехчленной структуре индоевропейского корня основывается на наблюдениях целого ряда индоевропейств, в числе которых Шлейхер, Сосеюр, Хирт, Мейе. Кроме того, оно основывается на тонком анализе древнеиндийских грамматистов. В индоевропеистике наших дней не принято рассматривать различные последовательности типа *serp-* и *Hrewdh-*, равно как и *leg-* и т. д. в качестве корней. Весьма желательна также осторожность в употреблении терминов вроде *set* и *anit*. Хирт оставил нам довольно удобный термин «основа», обозначающий корни с аффиксами, включая и индийские *set*-основы. Любое современное исследование праиндоевропейского должно учитывать различие корней и их расширенных форм.

Помимо этого, путаницу создает использование употреблявшегося ранее в ином значении термина типа *schwa secundum*. Гласный аллофон ларингальных с таким же успехом может соответствовать случаям редуцированного гласного, которые ранее называли *schwa secundum*. Так или иначе, увековечение этого термина, особенно на фоне отказа от признания предполагавшегося лингвистами XIX в. *schwa grimum*, искажает адекватную картину современной фонологии — в данном случае обращение к прелественникам не приносит какой-либо существенной пользы (с. 175—177).

8. Проследить за массой появляющихся в различных странах публикаций, даже в такой ограниченной области, как индоевропеистика, чрезвычайно сложно. Если мы хотим все же быть в курсе хотя бы важнейших публикаций и обеспечить к ним доступ, нам необходимо овладеть современной библиографической процедурой, отбросив в сторону старый опыт. В числе подобного рода требований — указание инициалов автора, необходимость чего знает каждый, кто заглядывал в библиотечный каталог с фамилиями типа Мюллер, Джоунз, Шмидт и т. п., отличающихся от своих авторов-однофамильцев лишь инициалами. Более того, в лю-

бом солидном пособии для удобства его использования читателями не следует давать ссылки на источники только в указателях (как, например, в разделе Каугилла) или вместе со списком сокращений.

Преимущества современных библиографических процедур очевидны. Хотя ссылки в тексте и кратки, тем не менее они обеспечивают важную информацию в тех случаях, где она необходима. Например, такая ссылка в тексте на Мейда (1975: 204—219) с этой точки зрения намного информативнее, чем ссылка: W.Meid (Fachtagung V, 204 ff), поскольку здесь сообщается как дата публикации, так и номера страниц. Старые процедуры во многом затрудняли пользование ссылками. Так, в рецензируемой книге имеются ссылки на Боргстрёма (с. 118—119) и на Уайэтта (с. 122), но нигде нет указания на то, к каким работам относятся эти страницы. Система ссылок XIX в. хорошо «работала» в условиях, когда количество публикаций было сравнительно невелико и каждый при необходимости мог с ними ознакомиться. Сегодня, когда ежегодно в индоевропеистике появляется почти 10 тысяч названий, контроль за ними может быть обеспечен только на основе тщательно [подготовленных] библиографий.

Соблюдение надлежащих правил цитирования представляет собой довольно скучное занятие, однако каким бы хлопотным или дорогостоящим это ни являлось, система библиографического оформления работы, подобная той, что использована в книге Гамкрелидзе и Иванова (1, с. 973—1113), в наше время должна стать обязательной.

9. Несмотря на наши комментарии, которые иногда могут показаться критическими, мы приветствуем публикацию рецензируемого тома и ожидаем выпуска последующих томов. Публикация Каугилла — Майрхофера особенно ценна в силу того, что в ней полностью учитывается специальная лингвистическая литература, выдержанная в младограмматической традиции. Список литературы, охватывающий более широкий спектр лингвистических направлений, можно найти в книге Гамкрелидзе и Иванова [1].

Факт появления этих двух публикаций весьма огорчен, поскольку они позволяют пополнить сведения, содержащиеся в «Grundriss'e» Бругманна [20] и в словарях Вальде-Покорного [21] и Покорного [22], равно как и в пособиях Хирта [23] и Мейе [11]. Каждая из этих новых книг имеет свои сильные стороны. Работа Гамкрелидзе — Иванова, как следует из ее подзаголовка, представляет собой анализ языка в тесной связи с обществом его носителей. Как признает

Майрхофер, это в высшей степени новаторский подход. Грамматика же Кау-гилла—Майрхофера является еще одним важным вкладом германоязычных стран в индоевропеистику: хотя в этой книге сохраняется многое из прежних взглядов (например, в вопросе системы гласных и шумных согласных), в ней в то же время, к счастью, признается неоспоримость ларингальной теории.

Эти две публикации представляют весьма желательными и с более широкой точки зрения. Направление гуманитарных исследований в течение почти всего нашего столетия характеризовалось усилением специализации и внимания к теории. Между тем такие важные для понимания цивилизации проблемы, как, например, беспрецедентное распространение индоевропейских языков, игнорировались. Очевидно, что специализация необходима для того, чтобы пополнить представленные в имеющихся руководствах обобщения надежными данными. А внимание к теории существенно для создания научной системы, интегрирующей получаемые данные и помогающей понять Вселенную и ее обитателей. И тем не менее специализация, как и теория, должны способствовать лучшему пониманию в данном случае в области индоевропейского языкознания — и более глубокому исследованию языков, происходящих от общего праиндоевропейского предка, а также культур, говорящих на этих языках народов.

Как указывает Мейе в работе, цитируемой Каугилом, пособие по языку должно рассматривать этот язык в том виде, в каком он используется обществом его носителей. В наших дни, благодаря археологическим исследованиям, имеется достаточное количество данных, характеризующих сообщество носителей индоевропейского праязыка. К сожалению, большинство археологов в своем подходе к языку следует неверному тезису, согласно которому при исследовании необходимо направить основное внимание на «идеальный» член абсолютно «омогенного» общества, а это представляет собой ситуацию, далекую от реальности. Именно в таком ключе Питтотт [24] исследует одно из наиболее важных технологических открытий, связанных с распространением индоевропейского общества, совершенно не учитывая при этом лингвистических данные, представленных в работе Шпехта [13] и других. К счастью, более молодые археологи в своих наблюдениях принимают во внимание и реальных членов человеческого сообщества, оставивших по себе следы деятельности, доступные археологическому изучению. В меньшей мере подобный подход должен быть при-

сущ и языковедам-индоевропейцам.

Индоевропейское языкознание как междисциплинарная наука, связанная с изучением одного из магистральных путей эволюции человеческой культуры за период по крайней мере 5000 лет, должно сконцентрировать свое основное внимание на сфере человеческой деятельности. Обсуждаемые здесь руководства знаменуют движение в сторону возросшего интереса к подобного рода исследованиям. Можно ожидать дальнейших шагов на пути преобразования индоевропеистики в центральную область научных размышлений, имеющих целью достичь понимания сущности той грандиозной эволюции человечества, которую оно проделало на пути от многочисленных разрозненных племен к обществу, в значительной степени основанному на языках, происходящих от языка одного из этих племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gamkrelidze T. V., Иванов Вяч. Ве.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1—2. Тбилиси, 1984.
2. *Collinder B.* Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
3. *Gamkrelidze T. V., Macavariani G. I.* Sonantensystem und Ablaut in den Kartwelsprachen. Tübingen, 1982.
4. *Puhvel J.* Hittite etymological dictionary. I—II. B.; N. Y., 1984.
5. *Burrow T.* The Proto-Indoaryans // JBAS. 1973. P. 136.
6. *Gimbutas M.* Proto-Indo-European culture: The Kurgan culture during the fifth, fourth, and third millennia B.C. // Indo-European and Indo-Europeans/ Ed. by Cardona G. et al. Philadelphia, 1970.
7. *Rix H.* Historische Grammatik der Griechischen. Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.
8. *Lehmann W. P.* Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952.
9. *Seehold E.* Das System der indogermanischen Halbvokale. Heidelberg, 1972.
10. *Meillet A.* The comparative method in historical linguistics / Transl. by Ford G. B. P., 1967.
11. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. 8-me ed. P., 1937.
12. The transformation of European and Anatolian culture, 4500—2500 B.C. and its legacy / Ed. by Gimbutas M. // JIES. 1980—1981. VIII. 1—2, 3—4; IX. 1—2.
13. *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944 (2-e изд.— 1947).
14. *Lehmann W. P.* On early stages of the Indo-European nominal inflection // Language. 1958. 34.

15. Fairbanks G. II. Case inflection in Indo-European // JIES. 1977. 5.
16. Meid W. Raumlische und zeitliche Gliederung des Indogermanischen // Flexion und Wortbildung / Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
17. Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalystems // Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to Leonard R. Palmer / Ed. by Mopurgo A. 1976.
18. Lindeman F. U. La loi do Sievers et le debut du mot en indo-europeen // NTS. 1965. 20.
19. Edgren It. Palatal and labial vowels (t, r, u, ü) and their corresponding semivowels (<, v) // JOAS. 1885. 11.
20. Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1897—1916.
21. Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. B., 1927—1932.
22. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern, 1959.
23. Hirt H. Indogermanische Grammatik. I—VII. Heidelberg, 1921—1937.
24. Pigott S. The earliest wheeled transport. L., 1983.

Леман У. Л.

Перевел с английского Чириква В. А

Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции / Отв. ред. Гаджиева Н. З. М.: Наука, 1988. 238 с.

Серия публикаций Института языкознания АН СССР под общим заголовком «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей», посвященная теоретическому обобщению на современном уровне результатов исследований в области лингвистической компаративистики, была начата с обзора итогов сравнительно-исторических разработок по отдельным языковым семьям и языковым группам в мировой науке. Статьи двух вышедших в 1981—1982 гг. (и, к сожалению, в свое время не прорецензированных на страницах «Вопросов языкознания») томов [1, 2] в совокупности охватили материал практически всех сколь-нибудь удовлетворительно изученных компаративистами генетических общностей, а в качестве авторов редколлегия в составе Н. З. Гаджиевой (ответственный редактор), В. К. Журавлева и В. П. Нерознака сумела привлечь наиболее авторитетных отечественных специалистов в соответствующих областях. Первый из томов с подзаголовком «Современное состояние и проблемы» составили обзоры по индоевропейским языкам (В. П. Нерознак), славянским языкам (В. К. Журавлев), балтийским языкам (В. П. Мажлюс), иранским языкам (В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман), индоарийским языкам (Т. Я. Елизаренкова), армянскому языку (Э. Г. Туманян), тюркским языкам (Н. З. Гаджиева, Л. С. Левитская, Э. Р. Тенишев), монгольским языкам (Г. Д. Санжеев), финноугорским языкам (К. Е. Майтинская), картвельским языкам (Г. А. Климов), абхазо-адыгским языкам (М. А. Кума-

хов) и нахско-дагестанским языкам (М. Е. Алексеев). Во втором, имеющем подзаголовок «Задачи и перспективы» (различие подзаголовков чисто условно: и оценка современного состояния дисциплин, и вскрытие потенциалов их дальнейшего развития входили в задачи авторов обеих книг), были помещены очерки по таким языкам, как санскрит (Т. Я. Елизаренкова), анатолийские (Вяч. Вс. Иванов), греческий (О. С. Широков), кельтские (В. П. Калыгин, А. А. Королев), германские (Н. С. Чемоданов), романские (Б. П. Нарумов), албанский (В. П. Нерознак), тунгусо-маньчжурские (И. В. Кормушин), сино-тибетские и австро-тайские (И. И. Пейрос), дравидийские (М. С. Андронов), австронезийские (Ю. Х. Сирк), океанские (В. И. Беликов), афразийские (В. Я. Порхомовский), чадские (В. Я. Порхомовский), банту (Н. В. Охотина).

В таком составе первые два тома серии позволяют оценить уровень, достигнутый к началу 80-х годов сравнительно-историческими исследованиями по различным индоевропейским и неиндоевропейским языкам, войти в курс основной исследовательской проблематики. Многие из очерков служат в дополнение к этому чрезвычайно полными библиографическими указателями (в других случаях, напротив, отсутствуют серьезные лакуны — ср., например, отсутствие упоминания книги Н. Поппе [3] в монгольском разделе), содержат новые разработки по генетической классификации языков (В. П. Нерознак, И. И. Пейрос) и по отдельным вопросам сравни-